

ЛЕС, ЗАМКНУТЫЙ В КОЛЬЦО

РУСЛАН МАХМУДОВ

Руслан Махмудов

Лес, замкнутый в кольцо

«Автор»

2026

Махмудов Р.

Лес, замкнутый в кольцо / Р. Махмудов — «Автор», 2026

Группа туристов и инспектор национального парка отправляются на поиски пропавших отца и дочери. Но после исчезновения связи обратная дорога приводит их к собственному лагерю. Лес замкнулся: можно идти вперёд целую неделю и вернуться туда, откуда начал. Среди деревьев остаются следы прежних экспедиций. А в скрытом поселении живут люди, которые исчезли десятилетия назад и так и не нашли выхода. Пока заканчиваются припасы и растёт недоверие, участники поисков пытаются понять законы этого места. Единственная надежда — старый водосброс, где ненадолго открывается проход. Но вывести через него детей, раненых и тех, кто уже разучился верить в спасение, гораздо труднее, чем найти дорогу.

© Махмудов Р., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. След на мосту	6
Глава 2. До будки	8
Глава 3. Первый лагерь	10
Глава 4. Обратная дорога	12
Глава 5. Северный ход	14
Глава 6. Чужая обувь	16
Глава 7. Пятый человек	18
Глава 8. Перила	20
Глава 9. Оставленная стоянка	22
Глава 10. С юга	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Руслан Махмудов

Лес, замкнутый в кольцо

Лес, замкнутый в кольцо

Руслан Махмудов

Глава 1. След на мосту

В национальном парке «Северные озера» осень начиналась с дождей. На третьей доске от берега остался след маленького ботинка. Вода подсохла по краям, а в углублении, где подошва выдавила гниль, еще блестела. Павел присел, провел пальцем по доске и посмотрел на реку.

Сбоку от следа лежал обрывок голубого шнура. На конце были два узла, один поверх другого. Узлы затянули так крепко, что шнурок расплющился.

— Ребенок? — спросила женщина за его спиной.

— Похоже.

— Тогда это они.

Павел не ответил. Он еще не сравнил размер следа с описанием. Женщина уже снимала рюкзак с камня, готовая идти. Он положил шнурок в пустой карман куртки, сфотографировал след и позвал остальных.

Четверо туристов ждали у тропы. Женщину звали Вера Ланская. Она стояла рядом с высоким подростком, который держал раскрытый блокнот, прикрывая страницу ладонью от мороси. Фотограф Денис сидел на камне и менял карту памяти. Тамара Седова растирала колено поверх брюк.

По телефону мать пропавшей девочки сказала, что Асе десять лет. Отец, Алексей Мельник, обещал вернуться к вечеру. Они вышли без палатки, с двумя бутербродами и термосом. У мужчины был серый рюкзак, у девочки — желтая непромокаемая куртка.

Вера видела их вчера, около трех. Они спрашивали про старую плотину. Алексей уверял, что знает дорогу: ребенком приезжал сюда с отцом. Вера показала, где на туристической карте кончалась размеченная тропа. Дальше идти не советовала.

— Он так и сказал: «Мы только посмотрим»? — уточнил Павел.

— Именно так.

— И вы не видели, куда он свернул?

— Мы пошли к озеру. Они остались возле указателя.

Подросток поднял голову.

— Девочка хромала. У нее шнурок развязался. Она несколько раз наступила на него.

— Лев, ты почему раньше не сказал?

— А зачем? Сейчас вот вспомнил.

Павел достал обрывок.

Лев перестал прикрывать блокнот. На странице расплывалась маленькая сосна, нарисованная с торчащим корнем.

— Она завязала два узла. Я еще подумал, что потом не развяжет.

На другом берегу проходила служебная дорога. Ею перестали пользоваться после обвала у водозабора; мост сохранили для инспекторов. Павел ходил здесь в июне. Тогда за соснами было видно железную будку, в которой оставался ящик с сухими дровами и аптечка. От моста до будки — час неторопливого хода.

Он включил рацию.

— База, Горин. На переходе через Сухую обнаружен детский след. Предположительно идут к водозабору. Проверю будку. Четверо свидетелей со мной.

Ответили почти сразу. Зоя, диспетчер парка, попросила назвать время следующего сеанса. Павел посмотрел на часы: одиннадцать сорок.

— В четырнадцать. Если связь плохая, возвращаюсь к переходу.

Тамара встала с поваленного дерева.

— А нам-то что делать?

Он показал западную тропу. До озерной стоянки было два километра, от нее до выхода из парка — еще восемь. До сумерек все успевали.

Вера взглянула на мост.

— Я лучше покажу место, где мы их встретили. Тут можно перепутать поворот. На карте две дороги.

Павел посмотрел на мокрый след. Мельник тоже знал дорогу. Он подвинул рацию выше, чтобы не цеплялась за лямку.

— До будки. После этого возвращаетесь.

Денис защелкнул сумку.

— Тогда идем. Может, они там сидят и ждут, пока мы перестанем обсуждать.

Павел пропустил туристов вперед и осмотрел мост в последний раз. Внизу между камнями шла чистая вода. По берегу плыла пена; у средней опоры она задержалась и вдруг потянулась против течения.

Он решил, что это обратная струя, и поднялся.

Когда они ступили на служебную дорогу, из рации снова донесся голос Зои. Слово в слово повторилось ее предыдущее сообщение. Даже короткий кашель между позывным и вопросом был тот же.

Павел нажал кнопку.

— Зоя, я слышал. Четырнадцать ноль-ноль.

На этот раз ответа не было.

Глава 2. До будки

В будке пахло мышами и отсыревшей известкой. Замок висел на скобе, дверь никто не взламывал. Павел поднял край старого одеяла на нарах, заглянул под стол и открыл ящик с дровами.

— Никого, — сказал Денис с порога.

— Вижу.

— Я про следы. Вокруг тоже пусто.

Под нижним поленом лежала баночка сгущенного молока, которую Павел оставил здесь летом. Она успела вздуться. Он убрал ее в пакет: уносить испорченные продукты с территории стало привычкой еще до того, как он получил форму.

Вера рассматривала схему на стене. Бумага пожелтела, но на ней можно было прочесть названия: Верхняя дорога, Отстойник, Нижний канал. Через плотину красным карандашом провели крест.

— Здесь есть спуск к воде?

— Дальше, за поворотом. Не туристический.

— Он мог туда пойти?

— Мог.

Денис поставил на стол газовую горелку. Павел хотел отправить их обратно, однако дождь усилился, а Тамара уже сняла мокрые перчатки. Он разрешил вскипятить чай и пошел проверять дорогу один. До поворота было метров двести; из будки его было видно почти до конца.

В канаве стояла вода. На глине сохранился протектор взрослого ботинка, поверх него — узкая полоска детской подошвы. Оба следа вели к водозабору. Он присел под низкой елью, чтобы отметить место в навигаторе. Экран показывал последнюю точку: мост. Значок спутника мигал.

Вернувшись, Павел увидел на столе пять кружек. Его кружка была синяя, эмалированная, с полукруглой царпиной возле ручки. Он носил ее уже двенадцать лет и всякий раз, когда обещал себе купить легкую титановую, забывал об этом до следующего похода.

— Нашел следы? — спросила Вера.

Он кивнул и отпил горячую воду, в которую еще не успели положить чай.

— Вы возвращаетесь. Я иду дальше.

— Один? — Тамара посмотрела на дверь.

— Другие придут с базы.

Денис повернул экран телефона. Сети не было.

— А мы как узнаем, что с вами все хорошо?

— На выходе спросите у дежурного.

Вера упаковывала хлеб, не торопясь. В ее движениях была та же неприятная аккуратность, с какой Павел сам проверял чужое снаряжение.

— Следы до воды или вдоль дороги?

— Вдоль дороги.

— Тогда мы можем пройти с вами до следующего укрытия. У нас запас на десять дней, у вас рюкзак меньше моего. Если они ночевали в лесу, им понадобится одежда.

— Мне понадобится, чтобы никто больше не пропал.

— Поэтому и предлагаю идти вместе.

Лев сидел на нарах. Он не вмешивался, но Павел заметил, что подросток уже застегнул рюкзак и натянул капюшон.

Ровно в два Павел вызвал базу. На радиии загорелся индикатор передачи. Он повторил сообщение, сменил место, вышел на дорогу. Шум был ровный, без голосов. Запасная батарея ничего не изменила.

В лесу стало светлее. Дождь превратился в редкую крупную капель, ветер почти стих. За поворотом, там, где начинался спуск, послышался короткий крик.

Павел обернулся к будке.

Туристы уже стояли на пороге. Тамара держала аптечку, Денис — свернутую куртку. Вера смотрела туда же, куда он.

Крик повторился. Из-за расстояния нельзя было разобрать ни возраст, ни слова.

— Все за мной, — сказал Павел. — По дороге. Не растягиваться.

Он придержал дверь, пропуская Тамару. Синяя кружка осталась на столе, возле мокрого следа от котелка. Возвращаться за ней сейчас было некогда.

Глава 3. Первый лагерь

За поворотом никого не оказалось. Дорога шла вдоль бетонного желоба, заросшего осокой. В нем плескалась коричневая вода. Крик не повторился.

— Сначала могло показаться, — сказал Денис. — Но два раза?

Павел остановил группу перед осыпью. В июне здесь лежало несколько камней, теперь склон перегородила мокрая глина. По ней прошел ребенок: пятки скользили, оставляя длинные борозды. Взрослый шел рядом и, судя по глубоким отпечаткам, нес что-то тяжелое.

Слева возвышался столб со старым номером. Лев зарисовал его и подписал внизу время. Вера спросила, зачем.

— Чтобы потом не перепутать, где мы были.

Денис шагнул на осыпь. Глина поползла под ботинком. Павел схватил его за лямку и вернул на дорогу.

— Через верх, — сказал он.

Они обошли обвал по лесу. Наверху росла раздвоенная сосна, одна половина которой была мертвой. За ней должна была продолжаться дорога. Вместо дороги оказался широкий моховой овраг.

Павел спустился на несколько шагов, вернулся к сосне, снова посмотрел вниз. Вера не стала спрашивать, уверен ли он. Она достала карту и положила на плоский камень.

— Здесь горизонтали идут в другую сторону.

— Карта старая.

— Овраг тоже старый.

Они проверили по сторонам. Остальные ждали у сосны. Павел нашел остаток насыпи, но она уходила дальше в лес и обрывалась у ручья. В четыре он снова вызвал базу. Сначала из динамика донесся треск, затем собственный голос:

«Все за мной. По дороге. Не растягиваться».

Павел выключил рацию.

— Это записалось? — спросил Лев.

— Не должно.

— Но записалось?

— Я слышал то же, что ты.

Вера посмотрела на сына. Она, кажется, ждала, что Павел скажет что-нибудь успокаивающее. Он не сказал.

До темноты оставалось мало времени. Пересекать осыпь в сумерках он не собирался. На сухой площадке у ручья поставили две палатки и два тента: большой туристический над общей площадкой и маленький Павлов над его местом. У туристов было все необходимое: они шли по многодневному маршруту и не успели израсходовать припасы. Павел расстелил свой коврик под тентом.

— Утром назад, — сообщил он. — Светло будет в шесть с небольшим.

Тамара принесла воду. Лев помог ей удержать котелок на горелке. Денис включил камеру и несколько секунд снимал лагерь. Вера попросила убрать ее.

— На память, — сказал он.

— Запомнишь.

— Я работу делаю.

— Тогда сначала спроси тех, кто будет в кадре.

Он отвернулся, но камеру убрал.

Павел прошел по краю площадки и повязал на три дерева яркую ленту. На срезе старого пня выцарапал дату: 9 сентября 2027 года. Рядом поставил стрелку в сторону будки. Если ночью придется искать помощь, лагерь будет проще найти.

Тамара спросила, бывает ли здесь северное сияние. Между ветвями висела слабая зеленоватая полоса. Павел смотрел на нее, пока глаза не привыкли к темноте. Потом увидел звезду и понял, что полоса проходит перед ней.

— Бывает, — ответил он.

Вера стояла чуть поодаль.

— Поэтому приборы чуют?

— Возможно.

Он дал ей запасную рацию, проверил местную связь и назначил утренний сбор. Между ними, с расстояния десяти метров, голос шел чисто.

Ночью Павел проснулся от шороха. За тентом медленно осыпалась земля. Он включил фонарь. На тропе лежал черный комоч мха, который сорвался с корня. Ничего больше.

Под утро через землю прошла короткая дрожь. Подвешенная кружка звякнула о стойку тента. Павел поднялся, осмотрел склон: ничего не обрушилось. Но за ручьем перестал быть слышен ветер, будто между деревьями встал плотный заслон.

Сон не возвращался. Павел слушал ручей. Звук несколько раз ослабевал, словно кто-то прикрывал ладонью его источник, и снова становился громче. Часы шли как обычно. Он проверял их каждые полчаса, хотя это ничего не объясняло.

Глава 4. Обратная дорога

Утром овраг был на месте. Раздвоенная сосна тоже. Павел нашел вчерашние следы, свои и Дениса, и повел группу по ним. На мокрой земле отпечатки сохранились хорошо. У каждой развилки он останавливался, чтобы не принять случайную вмятину за знакомую подошву.

Следы поднялись к сосне. На другой стороне ствола их прерывала гладкая полоса земли, словно сюда положили кусок чужого склона. Павел проверил оба края, но не нашел продолжения. Ни дождь, ни осыпь не могли стереть только этот узкий участок, оставив остальное.

Дальше должен был лежать обвал. Павел помнил, откуда они поднялись вчера, и пошел в ту сторону. Вместо обвала они вышли к ручью с двумя гранитными валунами.

— Это тот же ручей, — сказал Лев.

Вера держала его за рукав.

— Не торопись.

— Мам, там моя бутылка.

Он указал под валун. Павел увидел прозрачный цилиндр с оранжевой крышкой. Вчера Лев уронил бутылку, набирая воду; ее затянуло под камень, и подростку запретили лезть в поток. Бутылка торчала горлышком вверх, точно там, где ее оставили.

Тамара первой села. Она медленно расстегнула верхнюю пуговицу куртки.

— Значит, прошли круг. Такое случается.

Павел не ответил. Он смотрел на собственный след, который шел к бутылке с другой стороны. Протектор у его левого ботинка был порезан поперек, поэтому отпечаток нельзя было спутать.

Вера вынула блокнот сына.

— Можно?

Лев протянул карандаш.

Она нарисовала сосну, два валуна и линию вчерашнего подъема. От сосны провела вторую линию к ручью, потом стерла ее.

— Нужно проверить без всех рюкзаков.

Павел оставил Тamarу и Льва в лагере. Денис пошел с ними. На двадцати метрах веревки, привязанной к сосне, они спустились обратно. Никакого обвала. Тогда поднялись, оставили веревку и прошли восточнее. Там склон приводил к той же воде, но на сто метров ниже.

В полдень Павел прекратил попытки. Они устали еще до настоящего перехода. Ни один маршрут не выходил на дорогу, а ориентиры совпадали только рядом с лагерем.

Денис отстегнул компас от ремня.

— Север там. Давайте по нему. На карте дорога почти параллельно.

— По одной стрелке не пойдем, — сказала Вера.

— А по чему? По бутылке?

Она забрала карту у Павла и развернула ее на сухом месте.

— Сейчас сверим склон с картой. Потом посмотрим тень.

— Какую тень? Солнце за облаками.

Вера посмотрела вверх. Край тучи светлел.

— Дай пять минут.

Павел вмешался прежде, чем Денис успел ответить. Они останутся еще на ночь, уточнят направление и пойдут северным ходом к Верхней дороге. На ней были промежуточные укрытия, и пропавшие, если искали выход самостоятельно, могли выйти туда же. Отправлять кого-то отдельно он отказался.

После обеда Лев снова рисовал. На этот раз без деревьев: лист, две стрелки, пятна ручья. Павел сел рядом.

— Раньше ходил в походы?

— С мамой. И с отцом один раз.

— Он далеко?

— В Туле. Мне сейчас не хочется про него.

Павел кивнул. Ему понравилось, что подросток сказал это прямо.

— Тогда про рисунок. Покажи, что ты отметил.

Лев объяснял медленно. Он запомнил, на какой стороне рюкзака висела кружка Дениса, когда тот шел впереди, и где свет проходил между деревьями. Павел не назвал это доказательством, но попросил сохранить страницу.

К вечеру Вера проверила часы на всех телефонах. Разница была обычной: от нескольких секунд до двух минут. Ни один прибор не показывал, что они потеряли день.

— Мы не перепрыгнули во времени, — сказала она сыну.

— Я про это не спрашивал.

— Я знаю.

Павел прошел к ручью за водой. Бутылка была все еще под камнем. Он не стал вытаскивать ее. Пусть останется хотя бы одна вещь, место которой они знали наверняка.

Глава 5. Северный ход

Павел выбрал направление утром, когда солнце вышло из-за облаков. Компас отклонялся, но не вращался без остановки, как ожидал Денис. Одна и та же стрелка после десяти шагов могла сместиться на двадцать градусов. Вера поставила на землю палку, дождалась короткой тени и записала наблюдение.

— Нам не нужна идеальная прямая, — сказал Павел. — Нужна запись того, куда сворачивали.

Павел оставил свой маленький тент у ручья. Если придется вернуться, сухое место уже будет готово. Большой тент и обе палатки забрали; коврик Павел свернул и привязал к рюкзаку.

Они договорились: каждые полчаса отмечать направление, примерно пройденное расстояние и заметные места. Павел оставлял ленту там, где тропа раздваивалась. Денис фотографировал метки, Вера вела запись. Лев считал шаги на ровных участках, пока не уставал; потом записывал то, что запомнил. Тамара несла часть еды и следила, чтобы все делали остановки.

К полудню они вышли на старую просеку. Между молодыми березами оставалась колея. В траве лежал ржавый кабель, местами ухотивший в землю. На карте просеки не было.

— Она могла зарasti, — сказал Павел.

— Но не появиться за ночь, — ответила Вера.

Он почувствовал раздражение. Не на ее слова, а на то, что она всякий раз точно находила границу его знания. Хотелось назвать причину, даже слабую, и двигаться дальше. Он удержался.

— Запиши. По ней пойдем до поворота.

В середине дня слышали самолет. Гул был низким, ровным; все пятеро задрали головы. Между облаками прошла белая полоса. Денис вытащил оранжевый чехол от палатки, Вера помогла натянуть его между деревьями. Павел разжег небольшой дымный костер на открытом месте. Они ждали, пока звук не исчезнет.

— Он нас видел? — спросил Лев.

— Не знаю.

— Если это поисковый, должен вернуться.

— Подождем час.

Самолет не вернулся. Час превратился в два, потому что Тамара разулась и обнаружила на пятке пузырь. Она молча протянула Павлу пластырь из аптечки.

— Я могу идти, — сказала она прежде, чем он успел спросить.

— Знаю. Только скажите, если снова начнет натирать.

— Тогда придется говорить все время.

Денис засмеялся. Лев улыбнулся, и впервые за двое суток Павел услышал обычный разговор: Тамара рассказывала, как школьники забывают вторую обувь, но никогда не забывают зарядку. Она говорила без назидания, и Денис признался, что взял три аккумулятора для камеры, а сухие носки только одни.

Вечером они нашли неглубокую выемку под скалой. Рядом можно было набрать воду. Павел проверил склон, выбрал площадку вне линии стока, и лагерь поставили быстрее, чем вчера.

Вера разложила записи.

— Если верить шагам, сегодня примерно семь километров.

— С остановками и петлями, — сказал Павел.

— Я это вычла. Точно не получится.

— Достаточно.

Она положила карандаш.

— Ты все еще ищешь отца и девочку?

Они уже перешли на «ты», не заметив когда.

— Пока могу.

— А нас кто ищет?

За скалой Денис помогал Льву собрать хворост. Тамара выбирала из пакета макароны, которые размокли от дырки в упаковке. Павел посмотрел на них и только потом ответил:

— Зоя знает, где мы вошли. Если я не вышел на связь, она запустит поиск.

— По дороге, которой здесь нет.

Он сложил карту.

— Поэтому завтра попробуем выйти на Верхнюю. Там шире просека. Если будет вертолет, нас легче заметить.

Вера упаковала записи. Павел убрал рацию под тент, стер воду с кнопки передачи.

Глава 6. Чужая обувь

На четвертый день пути нашли ботинок. Он лежал в кустах голубики, подошвой вверх. Павел заметил его, когда отодвинул ветку, чтобы пропустить Тамару.

Небольшой, темно-серый, с голубым шнурком. Второй конец шнурка был оборван. Павел достал из кармана кусок, найденный на мосту, и приложил к нему. Волокна не совпали ровно, но узел и цвет были те же.

Лев смотрел поверх его плеча.

— Он левый. Она наступала правой ногой на левый шнурок.

— Помнишь точно?

— Я сам так делаю. Поэтому и заметил.

Павел перевернул обувь. Внутри было сыро. В пятке набилась земля, под язычком застряла сухая хвоя. Крови не было.

Они оставили рюкзаки у просеки и проверили кусты в пределах видимости. Денис нашел след взрослого ботинка, потом второй. Следы шли на восток, вниз к воде. Детских следов рядом не оказалось.

— Он нес ее, — сказала Вера.

— Возможно.

— Тут только его следы.

Павел поднял голову.

— Потому и проверим выше. Он мог оставить ее под деревом и пойти к воде один.

Вера убрала руку с рюкзака.

— Тогда я наверху.

Вера посмотрела в кусты. Она тихо позвала Льва к себе.

Павел разбил участок на полосы. Он и Денис шли первыми, Вера оставалась выше, чтобы видеть остальных. Тамара проверяла места, где ребенок мог укрыться от дождя: корни, низкие ели, сухую сторону валунов. Лев должен был ждать у рюкзаков и каждые пять минут подавать голос.

— Почему опять я? — спросил он.

— Потому что кто-то должен держать точку, — ответил Павел.

— Можно просто ленту повесить.

— Лента не ответит, если мы позовем.

Через полчаса нашли сидячую площадку у дерева. Два обломка ветки лежали параллельно, на них — промокшая салфетка. По всей вероятности, отец переобувал девочку или заматывал ей ногу. Павел заметил под корнем прозрачную пленку с отпечатком аптечной этикетки.

Вера присела рядом.

— Кто-то умеет хотя бы пластырь использовать.

Он взял упаковку через пакет. На ней было написано «водостойкий».

Ниже склон круто уходил к речке. На противоположном берегу росли высокие ольхи, под ними темнела ровная полоса. Тропа. С этой стороны перехода не было. Павел прошел выше и увидел сломанное дерево, лежавшее поперек воды. На коре сохранились свежие царапины.

До вечера они звали пропавших с берега. Голоса возвращались из леса коротким эхом. Денис один раз решил, что слышит ответ, но после паузы понял, что это Тамара зовет за его спиной.

— Мы везде запаздываем, — сказал он.

Павел завернул ботинок в пакет.

— Сегодня нашли то, что вчера не нашли.

— И что? Теперь он будет носить ее, пока мы считаем шаги?

— Река здесь быстрая. С ребенком он не мог идти быстро.

Денис посмотрел на бревно.

— Тогда он рядом.

Павел не стал возражать. Он тоже хотел, чтобы это оказалось правдой.

Вечером Лев спросил, можно ли высушить ботинок у горелки. Павел разрешил, но попросил не ставить слишком близко. Подросток устроил его между двумя камнями и несколько раз поворачивал, пока остальные ели.

Перед сном Павел увидел, что внутри лежит свернутый носок. Лев отдал один из своих запасных.

— Он ей большой будет, — сказал Павел.

— Можно завернуть край.

Ботинок остался под тентом. Ночью, когда дождь усилился, Павел первым делом проверил, не затекает ли вода на него.

Глава 7. Пятый человек

Утром Тамара поставила на камень пять порций каши. Денис спросил, почему его порция меньше. Она повернула котелок и показала, сколько осталось на дне.

— Больше никому нет.

Он помолчал и взял свою миску.

До реки они вернулись по вчерашним меткам. Бревно оказалось крепким в середине, но у правого берега корень сидел в рыхлой земле. Павел перешел первым и проверил опору. Потом привязал веревку к стволу выше воды. Рюкзаки передавали отдельно. Лев хотел пройти сам, однако согласился взяться за натянутую линию, когда увидел, как качнуло Дениса.

Тамара остановилась на середине.

— Скажи, куда ногу.

— Вперед на ладонь. Там ровно.

— Ладонь у тебя или у меня?

— У тебя.

Она сделала шаг, еще один. На берегу села в траву и несколько минут не разговаривала. Павел собирал веревку, когда Лев вдруг спросил:

— А тот крик в первый день? Он был здесь?

— Далеко отсюда.

— Но мы туда пошли из-за него. И ничего не нашли.

— Да.

— Кто тогда кричал?

Павел протянул ему конец веревки. Они вместе вытянули мокрую петлю из-за бревна.

— Не знаю.

Тропа на другой стороне была настоящей. Ее утоптали не за один сезон; на деревьях сохранились старые зарубки. В одной торчал плоский гвоздь. Павел потрогал его и вдруг вспомнил, как отец учил его делать зарубки выше снега. Они ходили по лесу, который позже вырубил. Никакой петли не понадобилось: знакомое место просто перестало существовать.

Днем Вера попросила остановиться. Тамара отстала на тридцать метров и скрылась за поворотом. Денис увидел впереди открытый участок, крикнул, что посмотрит, и ушел дальше. Павел остался между ними.

— Сколько нас? — спросил он Льва.

— Пятеро.

— Сколько ты видишь?

— Трех.

— Теперь каждый раз, когда останавливаемся, считай.

Лев посмотрел на мать, ожидая возражения. Вера подала ему бутылку.

— Считай вслух. Мне тоже полезно.

Они дождались Тамары и вернули Дениса. Тот раздраженно показал снимок старой вышки.

— Триста метров. Я не ушел в другую область.

Павел взял камеру, посмотрел на изображение и отдал.

— В следующий раз сначала скажи, куда и насколько.

— Я сказал.

— И дожись ответа.

Денис хотел что-то добавить, но Тамара тяжело опустилась на рюкзак. Он увидел ее лицо и замолчал.

Вышка стояла на сухом холме. Лестница сгнила до половины. Павел не разрешил подниматься, зато со склона увидел воду далеко на севере. Это могло быть Верхнее озеро. Вера сверилась с картой. Расстояние не совпадало, но именно это озеро было ближайшим крупным ориентиром.

Они решили идти к нему.

На привале Вера осталась с Павлом, пока остальные спускались за водой.

— Ты кому-нибудь сообщил, что берешь нас дальше будки?

— Связь пропала раньше.

— Значит, они думают, что мы ушли.

— Они проверят выходные записи.

— Когда?

Павел потер щеку. Щетина цеплялась за мокрые пальцы.

— В тот же вечер. Или утром.

— Ты рассчитывал, что нас ищут с первого дня.

— Я рассчитывал, что вернемся через два часа.

Она выдохнула и посмотрела вниз. Лев стоял на камне, Денис держал его за пояс, чтобы тот мог зачерпнуть воду.

— Я сама решила идти, — сказала Вера. — Но мне нужно знать, когда ты уверен, а когда надеешься.

— Я могу говорить это вслух.

— Говори.

Вечером Павел объяснил всей группе, какие сведения есть у базы и какие отсутствуют. Он не пытался сделать рассказ короче. Денис спросил, могли ли их счесть людьми, которые самовольно поменяли маршрут. Павел ответил, что могли — сначала.

Тамара доела кашу и отдала котелок Льву.

— Ладно. Значит, нам придется помочь тем, кто нас ищет. Костер на открытом месте. Еще что?

Павел перечислил. Она повторила, чтобы запомнить. Потом все пятеро пошли раскладывать на склоне яркое снаряжение.

Глава 8. Перила

Верхнее озеро оказалось длинной поймой. Между островками травы лежала черная вода. Сухая тропа уходила вдоль нее к старому пешеходному мосту.

Мост был узкий, с металлическими перилами с одной стороны. На средней опоре росла береза. Корень поднял настил; несколько досок выпали. На другом берегу дорога становилась шире. Павел видел остатки щебня и бетонный столб, поэтому тратить полдня на обход не хотел.

Он прошел вдоль воды и посмотрел на опоры. Металл был рыжим, но поперечные балки держались. Положил рюкзак, привязал веревку, шагнул на первую доску. До середины добрался без труда. Дальше нужно было перешагнуть пролом.

— Рюкзаки сначала, — сказал он с другого берега.

Они протянули грузы на веревке. Тамара, Вера и Лев перешли по одному. Денис задержался, снимая опору снизу.

— Закончил? — позвал Павел.

— Секунду.

Он убрал камеру, встал и ступил на край прогнувшейся доски. Она сломалась. Денис ухватился за перила, но те подались вместе с ним. Павел успел схватить его за рукав. Правая ладонь скользнула по рваному металлу.

На секунду оба повисли над водой. Павел почувствовал, как ткань куртки вытягивается из шва. Денис поднял колено и прижал его к сохранившейся балке. Вера тянула веревку, Лев держал ее за пояс. Тамара кричала, чтобы никто не дергал.

Когда Денис оказался на берегу, Павел опустился рядом. На ладони проступила кровь. Порез шел от основания большого пальца к запястью.

Вера раскрыла аптечку. Тамара попросила воды и чистую салфетку. Она не изображала врача: разглядела рану, спросила, двигаются ли пальцы, и помогла наложить повязку.

— В городе надо показать, — сказала она.

— Покажу.

— Я серьезно.

— И я.

Денис сидел, обхватив колени.

— Простите.

Павел посмотрел на него. Раньше он сказал бы, что ничего не произошло. Теперь это было неправдой.

— За мной нужно было идти сразу. Мост не для съемки.

— Я понял.

— Хорошо.

Они устроили привал далеко от воды. Лев разложил мокрую веревку на траве и спросил, как проверить, выдержит ли она снова. Павел показал поврежденные места, объяснил, почему нельзя тянуть ее по острым краям. Подросток внимательно трогал оплетку, а потом пометил потертый участок красной ниткой из набора Тамары.

— Эта часть еще целая, — сказал Павел. — Просто будем знать, где она.

Вера убирала аптечку. Ее руки дрожали, хотя лицо оставалось спокойным. Лев заметил это и молча забрал у нее рулон бинта.

Во второй половине дня они вышли на высокий берег. Солнце наконец показалось полностью. Павел сравнил тень с утренними записями. Общий ход оставался северным; реку пересекли с запада на восток, затем повернули обратно. Несколько километров были потеряны, но кругом это не выглядело.

Денис шел последним. Когда Павлу понадобилось достать карту, подхватил его рюкзак за лямку и держал, пока тот расстегивал карман левой рукой. Он перестал спорить о темпе. Тамара отдала ему часть своего груза, и он взял без шуток.

К вечеру повязка намокла. Павел заменил ее под тентом. Вера разглядела край раны и нахмурилась.

— Ты завтра можешь идти без рюкзака.

— Это ладонь, не нога.

— Рюкзак все равно застегивать неудобно.

Он хотел отказаться, но вспомнил их разговор о надежде и уверенности.

— Часть еды заberi.

Вера взяла пакет. Перед сном Павел проверил оставшиеся припасы. На полноценные порции их хватало еще на несколько дней. Он переложил сухари отдельно и долго смотрел на пакет, прикидывая, сколько времени придется идти после того, как он опустеет.

Глава 9. Оставленная стоянка

За следующие двое суток не увидели ни дорог, ни самолетов. Пойма осталась позади, лес стал ниже. На каменных грядках появились кусты можжевельника. Павел начал узнавать отдельные места и сразу запрещал себе делать выводы: плоский камень, кривое дерево, углубление в склоне могли встречаться где угодно.

У Тамары болело колено. У Дениса на бедре расплылся синяк от мостовой балки. Никто не жаловался, но теперь каждые двадцать минут кто-то предлагал остановиться: сфотографировать метку, поправить носок, проверить направление. Все понимали, зачем на самом деле нужна остановка.

На шестой день пути от первого лагеря Лев заметил красную ткань между елками.

Павел велел ему остаться на тропе и пошел сам. На земле стояла старая палатка. Ткань растрескалась, каркас согнулся под упавшей веткой. Вход был зашит белой веревкой, которая порвалась в двух местах. Рядом лежала алюминиевая кастрюля, наполовину заполненная листьями.

Внутри нашли пустые пакеты, шерстяную шапку и пластиковую кассету от магнитофона. На кассете было написано: «Ира. Дорога». Денис сфотографировал ее, не поднимая.

— Лет двадцать? — спросил он.

Тамара покачала головой.

— Такие и тридцать лет назад были.

Вера проверила карманы куртки, которая лежала под остатками спальника. Нашла бумажный билет, размокший до белого войлока, и металлический ключ с номером 14.

Павел осмотрел кусты. Человеческих останков не было. Место для костра заросло, но вокруг него лежало множество обгорелых палочек. Кто-то жил здесь долго, а потом ушел.

Под палаткой Лев нашел обломок колышка. Он был ярко-синий, почти новый. Вера сразу забрала его, протерла и показала Павлу.

— Другой человек приходил позже.

— Или палатка не такая старая.

— Посмотри на дерево. Оно выросло сквозь веревку.

Веревка действительно вросла в ствол молодого клена. Это уже нельзя было объяснить несколькими сезонами.

Денис обошел стоянку с камерой. На коре ближайшей ели были вырезаны цифры. Сначала их приняли за год: 1998. Ниже стояла стрелка и еще четыре черточки. Под мхом оказалось слово «СНОВА».

Тамара читала дольше всех. Потом отвернулась и стала собирать вещи, которые можно было использовать. Кастрюлю она решила оставить: дно прогнило. Забрала два металлических крючка и целый карабин с рюкзака.

— Человек мог вернуться, — сказала Вера.

— Если вернется, пусть заберет. Я оставлю записку.

Тамара вырвала страницу из своего маленького календаря, написала имена, дату и направление. Лист положили в жестяную коробку из-под леденцов, найденную у кострища.

Пока Тамара писала записку, Павел заметил под елью узкую щель. Ее закрывала плита из веток и дерна. За плитой оказался лаз в небольшую земляную выемку. Он посветил внутрь, не заходя: над входом лежал сгнивший ствол.

В глубине сохранился деревянный настил. На нем лежали три пустых мешка, свернутые в подушку. Из потолка торчали жестяные трубки, которые когда-то служили дымоходом. Между камнями стояла маленькая печь, собранная из обрезков металла.

— Зимовье, — сказал Павел.

Вера подошла и присела возле входа.

— Они из палатки перебрались сюда.

Он показал ей дерево над лазом.

— Внутрь не лезем.

Она согласилась. Денис снимал через проем, не опираясь на ушибленную ногу. Вспышка высветила дальнюю стенку. На ней висела детская варежка, но размер был совсем маленький, для ребенка лет трех.

Тамара перестала писать.

— Что там?

Павел рассказал. Она попросила посмотреть, есть ли рядом могила. Они обошли ель, нашли несколько камней, однако ни один не отличался от обычных. В лесу нельзя было назвать могилой каждое углубление.

— Может, ребенок вырос, — сказал Лев.

— Может, — ответила Тамара.

Она не стала добавлять ничего. Вернулась к коробке, закончила записку и положила рядом два сухаря. Вера увидела.

— У нас самих мало.

— Я свою часть оставляю.

Павел посмотрел на сухари. Вчера Тамара соскребла со дна котелка то, что он собирался смыть водой. Сейчас она закрывала коробку, придерживая крышку коленом.

— Два, — сказал он. — Больше не оставляем.

Вечером Лев долго разглядывал свой рисунок. Вера спросила, что он меняет.

— Я палатку сначала нарисовал, как на фотографии. Красную. А она внутри почти вся серая.

— Добавь то, что видел.

Он стер яркую линию и оставил только маленький кусок ткани на верхушке. Землянку рисовать не стал.

В тот вечер ужин был меньше обычного. Павел предложил идти утром налегке до ближайшей высоты и проверить, не видно ли просеку. Вера согласилась при условии, что остальные останутся в лагере и они будут на связи.

Лев лежал в палатке, но не спал.

— Кто написал «снова»? — спросил он.

— Не знаем, — ответила мать.

— Если он вернулся к палатке, значит, мы тоже можем.

— Мы оставляли метки. У нас есть записка.

— У него тоже была.

Вера не придумала ответа. Павел слышал их через тонкую ткань. Он сел под тентом, держа перевязанную ладонь на колене, и впервые по-настоящему захотел, чтобы кто-то другой решил, куда идти утром.

Ночью Павел проснулся от шагов. Они шли вдоль лагеря, тяжелые, с паузой после каждого третьего. Он взял фонарь, прислушался. Потом узнал кашель Тамары.

Она должна была лежать в палатке. Свет горел внутри, на ткани двигалась ее тень. Шаги, однако, слышались со стороны старой ели, куда днем не было и ста метров.

Павел вышел под дождь. Между деревьями увидел слабое пятно света — низкое, как фонарь, положенный на землю. Сделал несколько шагов и заметил яркую ленту. Это была его метка у края нового лагеря, но смотрел он на ее оборотную сторону.

Он остановился. Если пройти дальше, мог оказаться у собственного тента, зайдя не оттуда, откуда вышел. Если свернуть, мог потерять лагерь совсем. Он поднял рацию и вызвал Веру.

Она ответила сразу, шепотом.

— Где ты?

— У метки. Посвети из палатки в сторону старой стоянки.

Свет справа погас, а низкое пятно впереди стало ярче. Павел слышал ее дыхание из динамика, потом то же дыхание пришло со стороны ели, с небольшой задержкой.

Он не пошел на свет. Развернулся и медленно вернулся по своим следам. У тента стояла Вера, завернувшись в куртку. Тамара присела возле горелки: ночью у нее свело ногу, она вышла размять ее и согреть воду.

— Это мы были, — сказал Павел.

Вера посмотрела в лес.

— Я поняла.

— С той стороны.

Она забрала у него мокрую рацию, вытерла корпус. Лев проснулся от разговора, но не вышел. Павел услышал, как застегнулась молния его спальника.

До утра никто больше не уходил от палаток. Вера поставила свой фонарь у двери и прикрыла его кружкой так, чтобы свет был виден только с площадки. Тамара кашлянула, наклоняясь к горелке. Павел прислушался: второй кашель пришел со стороны ели. Он дождался, пока Тамара залезет в палатку, и только тогда лег.

Когда Павел наконец заснул, ему снилась будка. На столе стояла синяя кружка, только ручка была с другой стороны. Он не мог взять ее: всякий раз, когда протягивал руку, стол становился длиннее.

Глава 10. С юга

Высота оказалась ближе, чем ожидали. Павел и Вера поднялись на каменную гряду до семи утра. С нее был виден ручей и небольшая площадка между деревьями.

На трех стволах висели яркие ленты.

Вера остановилась первой. Павел прошел еще несколько шагов, словно расстояние могло изменить видимое. Маленький тент провис от воды. Палатки и большой туристический тент они унесли, а этот Павел оставил на случай возвращения. Он вспомнил это так ясно, будто кто-то назвал ему вслух.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.